

Г.А. Лапенко

(Сургут, Сургутский педагогический институт)

Культурно-хронологическая интерпретация керамического комплекса поселения Бергамак – 24

В конце 2 тыс. до н.э. в ранней андронидной культурной общности происходит формирование сузгунской культуры – одной из ярких культур эпохи поздней бронзы Западной Сибири. К настоящему времени известно множество памятников, которые относят к данной культурной традиции.

Цель сообщения – определить место комплекса Бергамак – 24 (Омск. обл., правый берег р. Тары) в системе других сузгунских памятников Западной Сибири.

С целью анализа материала была проведена статистическая обработка керамического материала памятника: с использованием математических методов сделана классификация посуды, выявлены значимые признаки и связи. Анализ результатов с учетом сравнительных данных позволил прийти к следующим выводам.

Поселение Бергамак – 24 определенно вписывается в круг западносибирских сузгунских памятников, можно также с уверенностью сказать, что данный комплекс относится к позднесузгунскому периоду. На основании статистических методов удалось графически представить декоративную структуру орнаментальной традиции, выделить некоторые орнаментальные группы.

Одна группа – позднесузгунская – демонстрирует «сплав» гребенчато – ямочной и андронидной традиции), другая группа тяготеет к ирменской орнаментальной традиции; причем данный декоративный стандарт представлен не чистыми ирменскими чертами, он осложнен признаками неирменского происхождения.

В результате анализа проявились не только сильные положительные, но и сильные отрицательные связи между декоративными признаками. В основном, взаимоотношение признаков наблюдается между сузгунским и ирменским декоративными стандартами. Причем ни одна из выделенных групп не имеет плотного ядра. Можно сделать вывод, что ирменская традиция играла большую роль не только во время формирования данного поселения, но и во время его функционирования. В результате анализа были выделены наиболее значи-

мые орнаментальные мотивы, игравшие ведущую роль в сложении данного керамического комплекса. Они имеют как сузгунское, так и ирменское происхождение (неорнаментированная дорожка, зацепы и другие).

Учитывая то обстоятельство, что памятник Бергамак – 24 демонстрирует достаточно тесные контакты сузгунского и ирменского населения, следует обратить внимание на наличие ирменского компонента и в других сузгунских памятниках.

Посуда поселения Бергамак – 24 находит близкие аналогии в керамике других сузгунских комплексов (Сузгун 2, Чудская Гора и др.). Первая и вторая модели сосудов поселения Бергамак – 24 отражены во всех известных на сегодняшний день сузгунских памятниках и эти типы можно назвать «классическими» для сузгунской традиции. В целом, посуда, аналогичная третьей и четвертой моделям, а также миниатюрная посуда характерны для более позднего периода сузгунской культуры. В связи с этим можно предположить, что сузгунское поселение Бергамак – 24 сосуществовало одновременно с населением, культуру которого отражает керамический материал верхних слоев Чудской Горы (Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995, с.51) и культового места Сузгун 2 (Мошинская В.И., 1957, с.120) а также с сузгунско-ирменским комплексом поселения Алексеевка – 21 (Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я., 1997, с.173). Это памятники, где можно наиболее полно проследить взаимоотношения сузгунских и ирменских культурных традиций, а также их развитие. Вместе с тем существуют некоторые особенности. Ни на одном сузгунском памятнике не представлены такие формы сосудов, как слабопрофилированный горшок, закрытая банка (последняя представлена лишь на посуде из Новочекино 3). Причем, на Бергамаке – 24 закрытые банки сохранили в более чистом виде гребенчато-ямочную традицию. Хочется отметить еще одну закономерность. Керамический материал поселения Бергамак – 24 в отличие от других памятников характеризуется несоответствием сочетания формы и орнамента, свойственных «сузгунскому стандарту» (либо декор не соответствует стандарту формы, либо форма не соответствует сузгунской схеме). Например, 1 и 2 типы сосудов поселения Бергамак – 24 по форме аналогичны 1 и 2 типам сосудов комплекса Сузгун 2 (Мошинская В.И., 1957, с.120), но наблюдаются отчетливые различия в орнаментике, причем иногда эти различия очень резкие). Можно сказать, развитие и трансформация посуды Бергамак – 24 идет по индивидуальной схеме, отличной от других комплексов. Вместе с тем, подтверждается общее положение, что сузгунская культура как результат развития южной андронидной и местной гребенчато-ямочной традиции вступает в контакт с ирменскими коллективами. Изучаемый комплекс испытал наибольшее влияние ирменской традиции, чем такие сузгунские комплексы, как Сузгун II, Чудская Гора, Красная Гора, Тап I. В этом смысле поселению Бергамак – 24 наиболее близок памятник Алексеевка – 21, где ирменская традиция также проявилась в сильной степени. Различная доля ирменского компонента в сузгунских памятниках объясняется, скорее всего, их месторасположением: памятники Бергамак – 24 и Алексеевка – 21 находятся в Среднем Прииртышье, Сузгун 2 – в Нижнем Прииртышье; соответственно, первые испытывают большее влияние розановских иртышских традиций. Сосуществование и активное взаимодействие сузгунского и ирменского населения привело к синтезу их культуры, данный процесс и демонстрирует керамика поселения Бергамак – 24.

Учитывая результаты анализа керамического комплекса поселения Бергамак – 24, датировку наиболее известных сузгунских памятников, а также время проникновения ирменских коллективов из лесостепного в таежное Прииртышье, можно изучаемый памятник условно назвать позднесузгунско – ирменским и хронологически отнести к 9 – 8 вв. до н.э.

Научный руководитель – д.и.н. И.Г. Глушков